

*Посвящается Лесу
и Антуанетте, чтобы о ней не забыли.*

Часть Обазина* останется с нами навсегда. Потребность в порядке. Приверженность простоте и чистым запахам. Непреходящее чувство сдержанности. Настойчивое стремление к совершенству, к идеальному исполнению швов. Успокаивающий контраст черного и белого. Ткани, грубые и ворсистые, как одежда крестьян и сирот. Ремешки из цепочек, как у четок, которые монахини носили на талии. Мистические мозаичные узоры школьного коридора в виде звезд и полумесяцев, которые возродятся в *bijoux de diamants*** как ожерелья, браслеты и броши. Повторяющийся орнамент витражей, напоминающий скрещенные буквы «С» и ставший символом роскоши и статуса. Даже сам старый монастырь, такой огромный и пустой, дающий простор воображению, позволяющий парить.

Все эти годы на улице Камбон, а также в Довиле и Биаррице люди считали, что покупают «Шанель», гламур, парижскую изысканность. Но на самом деле они приобретали орнаменты из нашего детства, воспоминания о монахинях, которые нас воспитали, об аббатстве, которое нас приютило.

Иллюзия богатства возникла из лохмотьев нашего прошлого.

* Обазин (*фр.* Aubazines) — коммуна во Франции, находится в регионе Лимузен в 420 км к югу от Парижа.

** Название первой ювелирной коллекции, созданной Коко Шанель.

ПОДОПЕЧНЫЕ

Обазин
1897–1900

ОДИН

Много лет спустя я не раз вспоминала тот холодный мартовский день 1897 года в монастырском приюте в Обазине.

Мы, сиротки, сидя кружком, занимались шитьем; тишину мастерской порой нарушала только моя бессмысленная болтовня с соседками. Почувствовав на себе пристальный взгляд сестры Ксавье, я умолкла и, изображая глубокую сосредоточенность, уставилась на свою работу, ожидая от наставницы обычного: «Следите за языком, мадемуазель Шанель». Но вместо этого она двинулась к моему стулу, стоявшему рядом с печью. Складывалось впечатление, что сестра Ксавье плывет; впрочем, так двигались все монахини. Складки ее черной шерстяной юбки источали запах ладана и веков, а накрахмаленный головной убор неестественно вздымался к небу, будто сестру могли вознести в любой момент. Я молилась, чтобы это произошло, представляя, как поток света, пробивающийся сквозь скат крыши, поднимает ее к облакам в сияющем луче святого спасения.

Но такие чудеса случались только на картинах с изображением ангелов и святых. Монахиня остановилась за моей спиной,

темная, нависшая, будто грозовая туча над пологими лесами Центрального массива. Она откашлялась и тоном императора Священной Римской империи мрачно произнесла:

— Антуанетта Шанель, ты слишком много болтаешь. Твое шитье выглядит неаккуратно. Ты постоянно гредишь наяву. Если ты не образумишься, то, боюсь, повторишь судьбу своей матери.

Мне показалось, что мой желудок скрутило в узел. Мне пришлось прикусить губу, чтобы удержаться от возражений. Я бросила взгляд на свою сестру Габриэль, сидевшую в другом конце комнаты со старшими девочками, и закатила глаза.

— Не слушай монахинь, Нинетт, — сказала она, как только нас отпустили во двор на перемену.

Мы сидели на скамейке, такие же замерзшие, как окружающие нас голые деревья. И почему листья опадают в то время, когда они нужны больше всего? Рядом наша старшая сестра Джулия-Берта, выуживая хлебные крошки из карманов, кормила стаю ворон. Птицы сражались за добычу и пронзительно кричали.

Пытаясь согреть ладони, я сунула их в рукава.

— И вовсе я не собираюсь быть такой, как наша мать. Я не собираюсь быть такой, какой должна стать по утверждению монашек. Я даже не собираюсь быть такой, какой, по их мнению, я никогда не буду.

Мы грустно рассмеялись. Как временные хранители наших душ, наставницы постоянно думали о том дне, когда нам придется покинуть приют и жить самостоятельно. Что нас ждет? Сможем ли мы приспособиться в большом сложном мире?

Два года пребывания в монастыре научили нас не обращать внимания на их реплики, звучащие постоянно: во время репетиций хора, уроков чистописания или пока мы декламировали французских королей.

«Ундина, с твоим почерком тебе никогда не стать женой торговца».

Сестры Шанель

«Пьеретта, с такими неуклюжими руками ты никогда не сможешь заниматься хозяйством».

«Элен, с таким слабым желудком тебе никогда не стать женой мясника».

«Габриэль, ты должна надеяться, что заработаешь на приличную жизнь, став швеей».

«Джулия-Берта, ты должна молиться о призвании. Девушкам с такой фигурой, как у тебя, лучше оставаться в монастыре».

Мне же было предсказано, что станет большим везением, если я смогу убедить какого-нибудь пахаря жениться на мне.

Я вынула ладони из рукавов, подышала на них и заявила:

— И уж точно я не собираюсь выходить замуж за пахаря!

— А я не собираюсь быть швеей, — заверила Габриэль. — Ненавижу шить!

— Кем же ты тогда будешь? — Джулия-Берта вопросительно смотрела на нас широко раскрытыми глазами.

Люди считали ее недалекой, называли тронутой. Для нее мир был прост, как черное и белое, как туники и вуали послушниц, и раз уж наставницы что-то говорят, значит, так тому и быть.

— Кем-то лучше... меня точно ждет нечто лучшее! — ответила я.

— Что значит лучше? — не поняла она.

— Это... — начала Габриэль, но не смогла объяснить.

Она не больше моего сознавала, что такое Кем-то Лучше, но я была уверена, что она чувствует тот же самый внутренний зуд. Беспokoйный характер был у нас в крови.

От нас требовали довольствоваться своим положением, поскольку это богоугодно. Но нам не хотелось с этим соглашаться. Мы вышли из длинной вереницы лоточников и мечтателей, путешествующих по извилистым дорогам, уверенных, что впереди их ждет Нечто Лучшее.

ДВА

До того, как нас пристроили в приют, мы практически голодали, ходили в грязных лохмотьях, не говорили по-французски, только на патуга*. Мы едва умели читать и писать, потому что долго не посещали школу. Монахини утверждали, что мы были почти дикарками.

Наша мать Жанна работала очень много, чтобы прокормить нас и обеспечить крышей над головой. Она вроде бы была рядом и вместе с тем отсутствовала. Ее взгляд с каждым годом становился все отстраненнее, и порой возникало ощущение, что она смотрит сквозь нас, а ее глаза постоянно ищут Альбера и только Альбера — нашего отца. А он обычно был в разъездах, продавая старые корсеты, ремни или носки. Он не мог долго оставаться на одном месте и, вопреки обещаниям, подолгу не возвращался домой. Тогда наша мать, как влюбленная дурочка, мчалась за ним, волоча нас за собой по проселочным дорогам, невзирая на время года.

Они оставались вместе ровно до тех пор, пока наша мать не беременела снова. Потом Альбер исчезал на несколько месяцев, не оставив денег, предоставив нам самим о себе заботиться. Мама была прачкой, горничной, бралась за любую работу, пока не умерла в тридцать один год от чахотки и переутомления, с разбитым сердцем.

Когда это случилось, никто из родственников не пожелал нас видеть, особенно наш отец. Это не стало сюрпризом. Как он мог путешествовать с места на место — и из постели в постель — с такой обузой? Но разве отцы не должны заботиться о своих детях?

Нас было пятеро: три девочки и два мальчика. Старшая — Джулия-Берта, потом Габриэль, Альфонс, я и, наконец, Люсьен. Альфонсу было всего десять, а Люсьену шесть, от горшка два

* Местные наречия французского языка (бретонское, овернское, провансальское и др.).

вершка, когда отец объявил их «детьми богадельни». Он, не раздумывая, отдал мальчиков в крестьянскую семью, как бесплатную рабочую силу, а нас — в монастырский приют. За три года, проведенных там, мы ничего не слышали о наших братьях.

А отец продолжал жить свободно, думая только о себе.

— Я вернусь, — пообещал он с блестящей улыбкой коммивояжера, поглаживая гордую головку Габриэль, простился с нами на пороге монастыря и исчез за горизонтом в своей дуэлке.

Джулия-Берта, не любившая перемен, не понимавшая, куда подевалась наша мать, была безутешна.

Габриэль, напротив, была в ярости и не могла плакать.

— Как он мог бросить меня?! — твердила она без умолку снова и снова. — Я же его любимица! — Потом: — Мы могли бы сами о себе позаботиться. Мы делали это много лет. Мы не нуждаемся в том, чтобы эти старухи указывали нам, как поступать! — Потом: — Мы не сироты. Он сказал, что вернется. Значит, так и будет.

А я, тогда восьмилетняя, рыдала, совершенно сбитая с толку, не привыкшая к странным манерам монахинь, шуршанию юбок, стуку четок, облакам ладана, проплывающим мимо, словно призраки, резкому запаху щелока.

Монастырь был полной противоположностью всего, к чему мы привыкли. Нам говорили, когда просыпаться, когда есть, когда молиться. День был разбит на определенные части: учеба, катехизисы, шитье, домашнее хозяйство. В назначенное время раздавался колокольный звон, призывающий к молитвам и божественному служению.

— Праздные руки, — без конца повторяли монахини, — это мастерская дьявола.

Даже дни недели, недели месяца, месяцы года были разделены на то, что они называли сезонами литургии. Вместо 15 января, 21 марта или 19 декабря — двенадцатое воскресенье обыкновенного времени, или понедельник первой недели Великого

поста, или среда третьей недели Адвента. Загробная жизнь делилась на Ад, Чистилище и Рай. Еще были двенадцать Плодов Святого Духа, Десять Заповедей, Семь Смертных Грехов, Шесть Святых Дней Долга, Четыре Главные Добродетели.

Мы узнали о Сент-Этьене, горбатым монахе, саркофаг которого, с его изваянием на крышке, находился в храме; силуэты других священнослужителей были высечены на каменном балдахине. Во время мессы я разглядывала узлы и петли на витражах, скрещивающиеся круги, которые выглядели так, словно мы — Шанель — я и мои сестры навсегда переплелись. Мне совсем не хотелось думать об этой могиле, о старых костях, о пустой холщовой робе.

— Здесь водятся привидения! — шептала мне Джулия-Берта, широко распахнув глаза от ужаса.

Казалось, они повсюду: святые духи, нечестивые духи, призраки всех видов, заставляющие плясать пламя поминальных свечей. Они прятались в темных углах и узких проходах, отбрасывали причудливые тени на стены. Призраки нашей матери, нашего отца, нашего прошлого.

Иногда по утрам, когда мы мылись, или по вечерам, когда должны были беззвучно молиться, Джулия-Берта хватала мою ладонь и крепко сжимала.

— По ночам мне снятся страшные вещи, — лепетала она и замолкала.

Мне было интересно, видит ли она то же, что и я: нашу мать в постели без покрывала, с окровавленным носовым платком в руке. Сквозь тонкие стены в комнату просачивается пронизывающий холод. Ее глаза закрыты, худое тело неподвижно.

Я научилась просыпаться посреди этого сна, стряхивала с себя видение и забиралась в постель к Габриэль. Она позволяла мне свернуться рядом калачиком, как в раннем детстве: до Обазина у нас никогда не было отдельных кроватей. Тепло ее тела, ритм ее дыхания действовали успокаивающе, и я снова засыпала.

Сестры Шанель

А потом, ранним-ранним утром, еще до восхода солнца, звонили колокола. Сестра Ксавье врывалась в спальню, хлопала в ладоши и объявляла своим слишком громким голосом:

— Проснись, слава моя! Проснитесь, лира и арфа!

Сразу после этого начинались упреки и нравоучения.

— Быстрее, Ундина, быстрее. Судный день успеет начаться и закончиться прежде, чем ты наденешь свои ботинки!

— Элен, тебе есть о чем помолиться. Поторопись!

— Антуанетта, перестань болтать с Пьереттой и перестели свою постель. Ты сделала это неаккуратно!

Монахини Обазина приютили нас. Кормили. Пытались спасти наши души. Воспитывали. Упорядочили наши дни, наполнили их рутиной. Но они не смогли заполнить пустоту в наших сердцах.

ТРИ

Дни, недели, месяцы, привычный ход событий, непривычный ход событий. Рутинa, поначалу успокаивающая, стала утомлять. И вот однажды, после трех лет нашего пребывания в монастыре Конгрегации Сен-Кер-де-Мари, безветренным июльским утром 1898 года все изменилось.

Мы с сестрами мыли посуду на кухне.

— Мадмуазель, — обратилась к нам вошедшая мать-настоятельница. — Вас ждут в комнате для свиданий.

Нас?! Нас никогда туда не приглашали! Если только...

Мое сердце едва не выскочило из груди.

Неужели наш отец наконец пришел за нами?!

Мы последовали за матушкой по коридору. Я пыталась расправить юбку, провела руками по волосам, надеясь, что мои косы выглядят аккуратно. Заметила, что Габриэль тоже пригладила свою прическу. Она единственная твердила все эти годы, что отец вернется, убеждала себя и нас, что он от-

правился в Америку сколотить состояние, и придет, как только сделает это.

Когда мы наконец добрались до нужной двери и монахиня открыла ее, я затаила дыхание, ожидая увидеть мужчину с очаровательной улыбкой и грубыми руками — нашего отца. Однако в комнате стояла пожилая женщина с добрым лицом, в резных деревянных башмаках, называемых сабо, грубой серой юбке, пеньковых чулках и выцветшей ситцевой блузке.

Бабушка?!

— Бабуля! — воскликнула Джулия-Берта, бросаясь обнимать старушку, словно та могла исчезнуть так же неожиданно, как появилась.

Я устала на нее, удивленная гораздо больше, чем если бы это был Альбер, которого мы так ждали.

— Вы не представляете себе, как спокойны мы были все эти годы, — сказала бабушка настоятельнице, — путешествуя с места на место и зная, что наши дорогие внуки находятся на вашем попечении. Эта нелегкая кочевая жизнь не для детей. Однако теперь мы слишком стары для путешествий. — Она прищелкнула языком, как многие взрослые, и предложила нам лимонные пастилки.

Они с бабушкой приобрели небольшой домик в Клермон-Ферране, деревне, расположенной в нескольких минутах езды на поезде, и нас пригласили туда на пару дней, чтобы отпраздновать *le quatorze juillet**, День взятия Бастилии. Наконец-то мы выбрались из монастыря, пусть и ненадолго.

Я не сказала вслух, о чем думаю, но уверена: у Габриэль были те же мысли. *Может быть, наш отец сейчас в Клермон-Ферране. Может быть, он ждет нас там.*

Где-то глубоко внутри меня, в пустоте, где должна была жить любовь, я не могла подавить эту слабую, возможно, глупую на-

* Четырнадцатое июля (франц.).

жду, что Альбер вернется. Не прежний Альбер, а новый — тот, которому мы нужны.

Мы последовали за бабушкой к вокзалу. В Клермон-Ферране она привела нас к покосившемуся домику с единственной комнатой, загроможденной множеством предметов, предназначенных для продажи на местном рынке: спущенными велосипедными шинами, заплесневелыми коробками, покрытыми толстым слоем копоти кастрюлями. Вдоль стен возле плиты выстроились ряды щербатых разномастных тарелок. Коллекция старых, сломанных зубных протезов, пожелтевших и выглядевших просто ужасно, вызвала омерзение. Похоже, здесь ничего и никогда не выбрасывали.

Очувтившись посреди столь чудовищного беспорядка, мы не сразу заметили девушку, стоявшую возле кровати. На вид ей было лет пятнадцать, как Габриэль, или, может быть, шестнадцать, как Джулии-Берте; она направилась к нам, явно волнуясь и улыбаясь с такой теплотой, от которой мы давно отвыкли.

— Габриэль? — неуверенно спросила она. — Джулия-Берта? Вы меня помните? Маленькая Нинетт! Как же это было давно! Кажется, мы познакомились на одной из ярмарок. До чего же вы трое хорошенькие!

У девушки была такая же длинная шея, как у Габриэль, такие же тонкие черты лица и худощавая, немного нескладная фигура. На ней тоже была монастырская одежда, но в отличие от нас она носила ее непринужденно и с достоинством, так что это совсем не походило на обычную форму. Краем глаза я заметила, как Габриэль заправляет распущенные волосы за уши. Должно быть, мы смотрели на девушку слишком уж тупо, потому что наконец заговорила бабушка:

— Вот глупые девчонки! Это Эдриенн — моя младшая дочь. Сестра вашего отца. Одним словом — ваша тетья.

— Тетья? — удивилась Джулия-Берта. — Она слишком молода, чтобы быть нашей тетей.

— Тем не менее она ваша тетя, уж я-то точно знаю, — ответила бабуля. — Я произвела на свет девятнадцать душ. Ваш отец был первым, когда мне было шестнадцать, Эдриенн — последней.

— Грандиозный финал, — прокомментировала девушка, делая очаровательный маленький книксен.

Тетя, одетая, как девочка из монастыря? Тетя почти одного с нами возраста? Мы с Габриэль словно проглотили языки.

— Ах, девочки, не смотрите так растерянно, — снова заговорила бабушка. — Эдриенн ничем от вас не отличается. Она учится в монастырской школе в Мулене. Прежде чем *le quatorze juillet* закончится, вы станете друг другу как сестры.

Может быть, сказалось смущение от пребывания в новом месте, но на какой-то удивительный момент мне почудилось, что у Эдриенн есть аура, облако золотого света, исходящего от нее, как у святой на молитвенной карточке. Я взглянула на Габриэль. Обычно она насторожено относилась к новым знакомым, но сейчас расслабленно улыбалась. Эдриенн выглядела как девушка, которая многому могла нас научить, и я поймала себя на том, что тоже сияю.

ЧЕТЫРЕ

Благословенная Эдриенн. Ее первым святым поступком было выгнать нас из этого темного, тесного дома.

— Потому что, маман, я их тетя, — авторитетно заявила она, убеждая бабушку, что может отвезти нас в город на прогулку. — А это значит, что я могу сопровождать девочек.

Прежде чем бабуля успела возразить, мы последовали за Эдриенн к двери. Джулия-Берта решила остаться и помочь рассортировать пуговицы.

На мощеных улицах города царил оживление. На зданиях и фонарных столбах радостно развевались трехцветные флаги.

Повсюду экипажи, цокот копыт, крики разносчиков, выгружающих мешки с мукой и банки с горчицей. Уличные кафе заполнили старики, желающие выпить чашечку кофе, на рынках суетились женщины, придирчиво осматривая яблоки и дыни. Ближе к центральной площади стучали молотками рабочие, собиравшие сцены и киоски для завтрашнего праздника.

Эдриенн уверенно шла впереди, а я пыталась подражать ей: мои плечи были расправлены, на губах сияла легкая улыбка. В отражении ее света тьма внутри меня исчезла. Я чувствовала, как ветер рассеивает мрак.

При виде движущегося по улице вагона я остолбенела. Спереди не было ни лошадей, ни паровоза. Однако пассажиры как ни в чем не бывало спокойно сидели внутри. Из крыши торчали провода, напоминавшие усики жука, они цеплялись за другие провода, которые шли параллельно улице. Сверху на гигантской табличке причудливыми буквами было написано *La Bergère Liqueur**.

Заметив мое удивление, Эдриенн сказала:

— *Le tram électrique***. Разве в Обазине нет трамвая? У нас в Мулене — есть.

Габриэль фыркнула.

— Единственное, что есть в Обазине, это козы. Ах, да, еще коровы. Много-много коров. А также свиноводы и пахари, за одного из которых, по мнению монахинь, Нинетт следует выйти замуж. И ничего *électrique*.

— Обазин такой скучный. Что еще интересного у вас в Мулене? — спросила я.

Глаза Эдриенн загорелись.

— Кавалерия! Офицеры, живущие в казармах. Они просто красавцы! Носят высокие кожаные сапоги, куртки с медными пуговицами и ярко-алые бриджи. Вы бы их видели! Они расха-

* Ликер *La Bergère* (*La Bergère* — компания, специализирующаяся на международной торговле марочными винами).

** Электрический трамвай (*франц.*).